

Соблазнить Лу Тинфэна... Хэ Цзюнь и сам не верил в успех. Пропасть между ними, обычным менеджером и наследником империи Лу, была слишком огромной, почти космической. Но не попытаться он не мог — слишком долго ждал, слишком сильно желал.

Закончив с отчётами и получив сухую, короткую подпись, он на мгновение прикрыл глаза, покачнулся и, изобразив внезапную слабость, начал медленно оседать на пол прямо перед столом президента.

Лу Тинфэн вздрогнул от неожиданности, но среагировал мгновенно: вскочил, подхватил оседающего мужчину под локоть и, чувствуя, как тот всем весом наваливается на плечо, помог доковылять до дивана. Опустив Хэ Цзюня на мягкую кожаную обивку, он коснулся его лба тыльной стороной ладони и нахмурился.

— У тебя жар. Горишь весь.

— Ничего страшного, — Хэ Цзюнь слабо улыбнулся, и его обычно смуглая кожа действительно казалась бледнее обычного. — Наверное, ночью одеяло сбросил. Сквозняк, бывает.

Лу Тинфэн, не тратя времени на расспросы, подошёл к встроенному шкафчику, где хранилась аптечка, достал упаковку жаропонижающего и, выдавив таблетку на ладонь, протянул Хэ Цзюню, а затем, звякнув стеклом, налил из кулера стакан горячей воды и поставил на журнальный столик.

— Президент Лу, — Хэ Цзюнь поднял на него глаза, и в этом взгляде мелькнуло что-то незащитное, просящее, — а у вас есть что-нибудь сладкое? У меня давление упало, голова кружится.

Лу Тинфэн молча подошёл к небольшому, почти игрушечному холодильнику, стоявшему в углу кабинета, тому самому, что он купил специально для Хэ Яна — его маленький обжора вечно таскал с собой какие-то сладости, фрукты, пирожные, и теперь все полки были забиты под завязку. Открыв дверцу, он вытащил банку с сахаром и поставил на стол, холодное стекло тут же запотело в тёплом воздухе кабинета.

Хэ Цзюнь смотрел на эту сцену, и в груди у него что-то болезненно сжалось. «Вот как он заботится о своём муже. Даже холодильник здесь поставил, чтобы тот ни в чём не нуждался. А обо мне... он заботится просто по долгу службы. Как о любом сотруднике».

Пока Лу Тинфэн, опустив голову, читал документы, чья-то фигура внезапно прильнула к нему со спины, и в нос ударил лёгкий, терпкий аромат сандалового дерева. Это был не Хэ Ян. Лу Тинфэн резко обернулся и увидел, что его обнимает Хэ Цзюнь.

— Президент Лу, вы мне нравитесь. Мне всё равно, что вы женаты и у вас есть ребёнок.

Смысл был предельно ясен. «Я готов быть твоей тайной. Твоей грязной тайной. Только позволь».

Но это отчаянное, выстраданное признание, на которое Хэ Цзюнь копил смелость четыре года, в глазах Лу Тинфэна было лишь досадной помехой. Он любил только одного человека, и этим человеком был Хэ Ян, а все остальные мужчины и женщины мира для него просто не существовали.

Лу Тинфэн рывком поднялся с кресла и, грубо схватив Хэ Цзюня за плечи, оттолкнул его от себя. Глаза его потемнели, как грозовое небо, и в них зажёгся тот самый ледяной, беспощадный огонь, которого так боялись все сотрудники.

— Хэ Цзюнь, — процедил он, и каждое слово падало, как кусок льда, — ты отдаёшь себе отчёт в том, что ты сейчас делаешь?

— Да, — Хэ Цзюнь смотрел ему прямо в глаза, не отводя взгляда. — Я признаюсь вам в любви. В этом нет ничего постыдного.

— А мне есть, — отрезал Лу Тинфэн. — Твоё признание мне не нужно. И я советую тебе немедленно вспомнить, кто ты есть на самом деле. Ты — сотрудник моей компании. Не более. И не смей переступать черту.

— Я же не прошу многого, — Хэ Цзюнь сделал шаг вперёд, и в голосе его зазвенела мольба. — Я просто люблю вас. Я не собираюсь разрушать вашу семью, клянусь. Мне лишь нужно, чтобы вы иногда... хоть немного... смотрели на меня. Уделяли мне хоть каплю времени. И всё.

«Я согласен быть твоей тайной, твоим грязным секретом. Не буду лезть в твою семью, не буду ничего требовать. Только позволь мне быть рядом. Хотя бы изредка».

Лу Тинфэн смотрел на этого человека, и внутри у него всё кипело от омерзения. Не к Хэ Цзюню лично, а к самой ситуации. «Как же это мерзко. Неужели он думает, что я способен на такое? Что я смогу смотреть в глаза Хэ Яну, зная, что за его спиной...» Он даже мысленно не мог закончить эту фразу.

— Пошёл вон, — бросил он, не глядя на Хэ Цзюня.

Лу Тинфэн не желал больше слушать этот бред. В висках стучало от злости и отвращения, а главное — Хэ Ян должен был вернуться с минуты на минуту. Одна только мысль о том, что его жена может увидеть эту сцену и неправильно всё истолковать, заставляла сердце сжиматься в ледяной комок.

Но Хэ Цзюнь, словно потеряв инстинкт самосохранения, снова рванулся к нему и, вцепившись обеими руками в его талию, прижался всем телом. Лу Тинфэн почувствовал, как чужие пальцы

судорожно сжимают ткань его пиджака, как горячее, лихорадочное дыхание обжигает шею.

— Я правда очень люблю вас, — зашептал Хэ Цзюнь, и голос его срывался. — Я никому не скажу, клянусь. Ваша жена никогда не узнает. Неужели вы не можете хоть капельку... хоть самую малость... полюбить меня в ответ?

«Любить? — пронеслось в голове Лу Тинфэна, и он едва сдержал горькую усмешку. — Это он называет любовью? Такую дикую, животную, бесцеремонную страсть? Нет, Хэ Цзюнь. Ты любишь не меня. Ты любишь мои деньги, мою власть, моё имя. Ты любишь красивую обёртку, даже не пытаешься заглянуть внутрь».

Когда-то давно он точно так же думал и о Хэ Яне. Считал его охотником за состоянием, расчётливым интриганом, который любыми путями хочет забраться в его постель и в его кошелек, но время расставило всё по местам. Когда он по-настоящему влюбился, когда узнал всю правду о его прошлом, о его боли, о его жертвах, он понял, как чудовищно ошибался. Хэ Ян был единственным, кто любил его не за титулы и счета в банке, а за него самого. Просто за то, что он — Лу Тинфэн.

Терпение лопнуло. Лу Тинфэн, не говоря больше ни слова, с силой, от которой Хэ Цзюнь пошатнулся, оторвал его руки от своей талии и оттолкнул. Но тот, словно одержимый, снова качнулся вперёд, пытаясь ухватиться за него, и именно в этот момент дверь кабинета с тихим щелчком распахнулась.

На пороге стояли Сяо Сюй и Хэ Ян.

Время замерло. Лу Тинфэн увидел, как расширились глаза Хэ Яна, как медленно, словно не веря себе, он скользнул взглядом по Хэ Цзюню, всё ещё тянущему к нему руки, по его собственному перекошенному от ужаса лицу, и в этих глазах, обычно таких тёплых и родных, разлился ледяной, безжизненный холод.

Лу Тинфэн в панике отшвырнул Хэ Цзюня, словно ядовитую змею, и, чувствуя, как земля уходит из-под ног, бросился к жене.

— Это не то, что ты подумал! — залепетал он, запинаясь и хватая Хэ Яна за руки. — Я... этот человек... он сумасшедший! Он сам! Я его не трогал! Между нами ничего нет, клянусь тебе! Ничего!

Хэ Цзюнь медленно выпрямился и встретил взгляд Хэ Яна. Страх не было — только глухая, саднящая обида и жгучее разочарование. Он проиграл. Даже не начав игру. Хэ Ян шагнул вперёд, и в комнате вдруг стало ощутимо холоднее. Сяо Сюй, застывший у двери, невольно поёжился.

— Как тебя зовут? — голос Хэ Яна прозвучал ровно, почти лениво, но в нём слышалась такая сталь, что у Хэ Цзюня перехватило дыхание.

Он молчал, глядя в пол.

— Я спросил, — Хэ Ян чуть повысил голос, — тебе нравится мой муж?

Тишина.

— Ты давно здесь работаешь?

Хэ Цзюнь не проронил ни звука, только желваки заходили на скулах.

А затем воздух разрезал звонкий, хлёсткий звук пощёчины. Голова Хэ Цзюня дёрнулась в сторону, и в уголке его губ тут же выступила алая, блестящая капля крови, а сам он, медленно, с трудом разлепив губы, уставился на Хэ Яна глазами, полными жгучей, бессильной ненависти.

— Ты что, немой? — Хэ Ян склонил голову набок, и в его голосе послышалась почти искренняя забота. — Или язык проглотил от страха?

Хэ Цзюнь молчал, стиснув зубы так, что желваки ходили ходуном. Хэ Ян медленно, словно хищник, развернулся к Лу Тинфэну, который стоял ни жив ни мёртв, вжав голову в плечи и боясь даже дышать.

— Муж, — голос Хэ Яна вдруг стал мягким, почти вкрадчивым, — скажи мне честно. Он тебе нравится?

Лу Тинфэн замотал головой так отчаянно, что, казалось, она сейчас оторвётся. «Господи, только не это. Только бы он поверил. Я люблю только тебя, дурака, одного тебя, больше мне никто не нужен!»

— Муж, — Хэ Ян чуть прищурился, и на губах его заиграла тонкая, опасная улыбка, — я тут подумал... Я хочу акции компании. Все. Сейчас.

Лу Тинфэн, не раздумывая ни секунды, выпалил:

— Да! Конечно! Я сейчас же вызову юристов, они мигом подготовят договор о передаче доли. Всё, что захочешь, родной!

Хэ Ян снова повернулся к Хэ Цзюню. На его тонких губах играла холодная, почти ленивая усмешка, но глаза оставались ледяными.

— Знаешь, господин... — протянул он, растягивая слова. — Мой муж переписал на меня всё, что у него было. Всё до последнего юаня. Теперь у него на карманные расходы пятьсот юаней в

месяц. Представляешь? Пятьсот. Если ему вздумается купить новые часы, он должен прийти ко мне, встать на колени и просить разрешения. — Он сделал паузу, наслаждаясь тем, как бледнеет лицо Хэ Цзюня.

— А эта компания... — Хэ Ян обвёл рукой кабинет, — стоит мне только пальцем шевельнуть, и она станет моей. Хоть завтра. И тогда твой драгоценный президент Лу останется никем. Без денег, без власти, без влияния. Просто красивая кукла. Так вот, ответь мне честно, господин: если бы всё это исчезло, ты бы всё ещё любил его? Или твоя любовь закончилась бы вместе с его банковским счётом?

В кабинете повисла звенящая, оглушительная тишина. Слышно было только, как за окном, на сороковом этаже, глухо завывает ветер да где-то в коридоре приглушённо гудит кондиционер. Хэ Цзюнь молчал, но его побелевшие костяшки пальцев и сжатые до хруста кулаки говорили громче любых слов.

Хэ Ян шагнул к нему вплотную и, глядя снизу вверх, произнёс тихо, но так, что каждое слово впечатывалось в память:

— Запомни раз и навсегда. Я очень, очень жадный. Всё, что моё, принадлежит только мне. Не трогай. Не тяни свои грязные лапы. Не пытайся отнять. И знаешь что? Даже если я, по доброте душевной, уступлю тебе что-то, ты просто не сможешь это удержать.

Он выдержал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, древнее, королевское.

— А теперь пошёл вон. И чтобы я тебя больше никогда не видел.

<http://bllate.org/book/16098/1610791>